

Л.А. ШЕСТАКОВА

Самарский государственный университет

**КОМПРОМИСС КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА В СИСТЕМЕ
ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ**

В статье рассматривается влияние общемировых тенденций на представление о сущности уголовного судопроизводства вообще и на правосудие для несовершеннолетних лиц в частности. Автор приходит к выводу об актуальности тенденций, связанных с поисками альтернатив уголовному судопроизводству карательного типа, расширением и внедрением в национальное законодательство примирительных процедур, ориентированных на восстановительный эффект правосудия, в том числе и в отношении несовершеннолетних преступников.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, восстановительное правосудие, медиация, ювенальная юстиция, компромисс.

L.A. SHESTAKOVA

**THE COMPROMISE AS A WAY TO RESOLVE CRIMINAL LEGAL
CONFLICT IN THE JUVENILE JUSTICE SYSTEM**

The article examines the impact of global trends on the content of the criminal proceedings and on justice for minors. The author concludes that current trends are associated with the search for alternatives to the classic criminal proceedings, the expansion and implementation of national legislation conciliation procedures aimed at remedial effect of justice, including juvenile offenders.

Keywords: criminal justice, restorative justice, mediation, juvenile justice, compromise.

Уголовный процесс как один из видов правоприменительной деятельности отражает уровень развития общества на каждом его этапе, конкретные общественно-исторические условия, уровень развития правовой теории и законодательной техники государства. Каждый этап развития общества характеризуется

определёнными тенденциями развития уголовного процесса, как в мировом масштабе, так и на уровне отдельных государств. Отметим, что общемировые тенденции развития уголовного процесса могут частично совпадать, поскольку являются ответом на значимые для всего мирового сообщества вызовы. Как показыва-

ет международный опыт, сегодня актуальными признаны тенденции, связанные с поисками альтернатив уголовному судопроизводству карательного типа, и в частности всеобщее расширение и внедрение в национальное законодательство примирительных процедур, ориентированных на восстановительный эффект правосудия. В полной мере эта тенденция проявляется и в поиске новых некарательных ответов на преступность несовершеннолетних. Разрешение уголовно-правового конфликта, который возникает в результате совершения лицом противоправного деяния, включает в себя и такие аспекты, как возмещение вреда лицу, в отношении которого было совершено деяние, восстановление нарушенного в результате преступления порядка, восстановление нормальной жизнедеятельности потерпевшего после совершения преступления, ресоциализация осуждённого лица с целью предотвращения повторного совершения преступления и пр. Традиционный уголовный процесс не всегда позволяет с успехом разрешать указанные задачи. Применение уголовной ответственности и наказания как наиболее вероятный исход уголовного судопроизводства – это прямой, но не всегда эффективный способ разрешения конкретного уголовно-правового конфликта и воздействия на состояние преступности в целом. В совокупности с недостатками пенитенциарной системы этот путь обеспечивает реализацию карательной составляющей наказания, но не всегда позволяет удовлетворить потребности потерпевшего, как материального, так и психоэмоционального характера, а также достичь цели

превенции. На уровне Совета Европы следует выделить ряд документов, определяющих «дух» поиска альтернатив уголовному преследованию несовершеннолетних, нацеливающих на формирование в каждом государстве ювенальной юстиции¹: Рекомендация № R (87) 18, касающаяся упрощения уголовного правосудия; Рекомендация № R (87) 21 о поддержке пострадавших и о предотвращении виктимизации; Рекомендация № R (87) 20 о реакции общественности на правонарушения несовершеннолетних; Рекомендация № R (88) 6 о реакции общественности на правонарушения, совершаемые подростками из семей переселенцев; Европейская конвенция об осуществлении прав детей от 25 января 1996 г.; Рекомендация № R (98) 1 о семейном посредничестве; Рекомендация № R (99) 19, посвящённая медиации в уголовных делах; Рекомендация № (2003) 20 о новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних; Рекомендации по правосудию, дружественному к ребенку, от 17 октября 2010 г.

В процессуальной литературе сформулирован вывод о том, что облик и содержание моделей ювенальной юстиции разных стран в начале XXI века определяет концепция (парадигма) восстановительного право-

¹ При рассмотрении проблем ювенального правосудия мы будем исходить из узкого, уголовно-юрисдикционного понимания ювенальной юстиции и определять её как систему органов, применяющих в своей деятельности специальные правила обращения с несовершеннолетними по поводу имеющего место правонарушения, преступления несовершеннолетнего.

судия². В процессуальной литературе восстановительное правосудие определяется как учение о способах реагирования на противоправные деяния, в основе которых лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта, возникающего в результате противоправного деяния, с целью восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения деяния, удовлетворения интересов стороны, которой деянием причинён вред, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего преступление. Исходя из утверждения о том, что восстановительные процедуры нацелены на примирение сторон, возмещение вреда от преступления, ускорение процесса рассмотрения дела, а также являются перспективным и общепризнанным направлением реформирования ювенальной юстиции, считаем, что внедрение их в УПК РФ будет способствовать приближению производства по делам несовершеннолетних Российской Федерации к международным стандартам дружественного несовершеннолетнему правосудия.

В зарубежных правовых системах восстановительное правосудие имеет реальное воплощение в различных процедурах, в основе которых лежит компромисс – обмен взаимовыгодными уступками между участниками правоотношения (в зарубежных странах – это медиация, трансакция, предупреждение, семейные конференции и др.; в Российской Федерации – это компромиссные производства, под которыми понимаются

дифференцированные, особые уголовно-процессуальные формы, где уголовно-правовой конфликт разрешается путём допускаемого законом обмена сторонами обоюдновыгодными уступками (статьи 25, 28, 28.1, 427, 431, 432 УПК РФ, а также главы 32.1, 40, 40.1 УПК РФ)).

В современной юридической литературе отмечается, что появление процедур восстановительного правосудия в уголовных процессах разных стран обусловлено действием объективных тенденций: 1) мировые тенденции, 2) внутригосударственные тенденции, характерные для России. Обратимся к рассмотрению мировых тенденций. Все государства можно условно разделить на те, которые базируются на принципе законности (есть деяние, содержащее предположительно признаки преступления – должностное лицо обязано возбудить уголовное дело) и принципе целесообразности (должностное лицо в каждом случае решает, необходимо ли возбуждать дело, основываясь на наличии доказательств, публичного интереса, личности правонарушителя и т.д.). Иначе говоря, у должностного лица есть возможность отказаться от возбуждения преследования по причинам, не являющимся юридическими и не связанными с недостаточностью доказательств. Очевидно, что вопрос о допустимости применения восстановительных процедур во многом зависит от того, какой из указанных принципов лежит в основе правовой системы того или иного государства. При этом в литературе отмечается тенденция к постепенно вытеснению принципа законности началом целесообразности даже в тех государствах, которые тради-

² Шестакова Л.А. К вопросу о возможности использования восстановительных процедур в уголовном процессе России // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/1(99). – С. 257-268;

ционно применяют именно принцип законности³. Указанная тенденция проявляется и в России. В Российской Федерации согласно ст. 7 УПК РФ принцип законности предполагает осуществление уголовно-процессуальной деятельности только в соответствии с уголовно-процессуальным законом и установленными им правилами. В соответствии со ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Однако российскими авторами всё чаще высказываются предложения о закреплении в УПК РФ принципа целесообразности наряду с принципом законности (например, в ст. 7.1 УПК РФ). Также предлагается изменить формулировку статьи 21 УПК РФ на следующую: «По делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, совершённых впервые следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе отказаться от уголовного преследования, если вина правонарушителя является незначительной и уголовное преследование не вызвано публичным интересом». Нельзя сказать, что такие предложения являются новыми. Ещё в советском уголовном судопроизводстве

концепция жёсткого легализма подерживалась далеко не всеми. Однако реализация принципа целесообразности в первой половине XX века, которая имела волюнтаристский, субъективистский характер и проявилась в создании “особых совещаний”, “двоек”, “троек”, на долгие годы дискредитировала целесообразность в уголовно-процессуальной деятельности. Она стала ассоциироваться с коррупцией, произволом, беззаконием. Однако в современной процессуальной литературе вполне обоснованно утверждается, что принцип целесообразности в его общепринятом понимании является необходимой составляющей современной системы принципов и должен найти свое закрепление в УПК РФ. Апостолова Н.Н. в своей докторской диссертации говорит о трансформации понимания принципов уголовного процесса и о гармоничной сочетаемости принципа целесообразности с системой принципов, закреплённых в УПК РФ⁴. Так, автор отмечает, что традиционное понимание принципа публичности как обязанности соответствующих должностных лиц государства по каждому факту обнаружения признаков преступления возбуждать уголовное дело и уголовное преследование и привлекать к уголовной ответственности уже не в полной мере согласуется с реально сложившимся положением дел и закономерностями развития современного российского уголовного процесса. Не случайно в современных

³ Арутюнян А.А. Концепция восстановительной юстиции и медиации в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского государственного университета. Серия право. 2011. № 5. С. 37; Чердынцева И.А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.09. Омск, 2008. С. 32; Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iuaj.net/node/1668>.

⁴ В работе автора этот вопрос освещён очень подробно, и в рамках настоящего исследования мы не имеем возможности изложить все доводы Н.Н. Апостоловой. Однако признаём их вполне убедительными и отсылаем к работе: Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... докт. юр. наук: 12.00.09. – М., 2011.

исследованиях принцип публичности трактуется уже не так категорично и однозначно, как это было в советском уголовном процессе. В настоящее время под принципом публичности (официальности) всё чаще понимают закреплённое в законе требование приоритетного обеспечения в ходе производства по уголовному делу охраны публичных интересов, под которыми подразумевается необходимость поддержания демократического правопорядка и безопасности в обществе и государстве и защита прав и свобод человека и гражданина. Относительно принципа справедливости уголовного процесса Н.Н. Апостолова отмечает, что справедливым будет такой процесс, который обеспечивает эффективную защиту прав и свобод человека, общества и государства, способствует укреплению демократического правопорядка, гармоничному развитию и личности, и общества, и государства на основе общечеловеческих ценностей. Справедливость уже не должна пониматься только как требование «воздать по заслугам». Уголовно-процессуальная деятельность должна быть направлена ещё и на устранение возможности возникновения несправедливости в будущем. Поэтому сейчас нужны совершенно иные, компромиссные (договорные) формы, разрешения уголовно-правовых конфликтов, посредством которых бы устанавливался, более стабильный правопорядок, эффективно возмещался причинённый преступлением вред, минимизировалась бы вероятность совершения новых преступлений. Можно говорить и о вполне гармоничном сочетании принципа целесообразности и презумпции невиновности. Противо-

речия между уголовно-политической концепцией освобождения от уголовной ответственности и презумпцией невиновности могут быть сняты, когда институт освобождения от уголовной ответственности будет рассматриваться через процессуальную призму. В случае прекращения уголовного преследования или освобождения лица от него презумпция невиновности остаётся не опровергнутой, лицо остаётся не более чем лицом, подлежащим уголовному преследованию. При таком подходе презумпция невиновности не только не может быть препятствием для развития дискреционных начал в российском уголовном судопроизводстве, но и будет являться важной и необходимой гарантией защиты прав и законных интересов лиц, подвергнутых уголовному преследованию, а затем освобождённых от него. Таким образом, закрепление принципа целесообразности в качестве принципа уголовного процесса открывает возможность более широкого внедрения компромиссных и восстановительных процедур в российский уголовно-процессуальный закон и правоприменительную практику.

Вторая общемировая тенденция связана с ролью, которая отводится потерпевшему в уголовном процессе. Известный зарубежный учёный Э. Эшуорт выделяет в этой связи две парадигмы: парадигму наказания и парадигму восстановления⁵. В законодательствах стран, которые придерживаются первой парадигмы, потерпевший до сих пор остаётся бесправным субъектом уголов-

⁵ Цит. по: Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Монография. – М., 2002 – С. 45.

но-процессуальной деятельности, частный интерес на возмещение вреда которого является вторичным по сравнению с защитой публичных интересов государства. В государствах, где законодатели придерживаются постулатов второй парадигмы (данная парадигма приобретает всё больше сторонников), потерпевший становится центральной фигурой, и уголовно-процессуальная деятельность имеет целью восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего, разрешение уголовно-правового конфликта.

Рассмотрим внутригосударственные тенденции, обуславливающие внедрение восстановительных процедур в российское уголовное судопроизводство. В конце XIX - начале XX века отправление правосудия по делам несовершеннолетних в России имело тенденцию к упрощению и деформализации, что нашло выражение в производстве об установлении "разумения" у несовершеннолетнего и упрощённой судебной процедуре. В советский период дифференциация в отношении несовершеннолетних субъектов предполагала только усложнение производства с целью введения дополнительных процессуальных гарантий прав несовершеннолетних. В главе 50 УПК РФ, по мнению большинства исследователей, сохранилась общая усложнённая направленность производства. Однако в последнее время отдельными авторами (Е.В. Марковичева, М.Г. Флямер, Л.М. Карнозова, Л.В. Головкин, отчасти А.А. Арутюнян и др.) ставился вопрос о необходимости вторичной дифференциации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

в сторону его деформализации. Однако эти предложения впоследствии были отвергнуты в связи с рядом обстоятельств: позицией генеральной прокуратуры, выступившей резко против неурегулированных законом примирительных встреч между сторонами; недостаточным познавательным арсеналом должностных лиц при проверке оснований для возбуждения уголовного дела; ограниченным сроком проверки сообщения о преступлении и др. Таким образом, попытки научной общественности на концептуальном уровне "соединить" усложнённую процедуру расследования и судебного рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, закреплённую в УПК РФ, и требования международных актов о деформализации, ускорении правосудия для несовершеннолетних, не увенчались успехом. Вместе с тем, в свете недавних изменений УПК РФ⁶ выводы по результатам дискуссии о направлениях реформирования правосудия в отношении несовершеннолетних могут быть переосмыслены. Поясним свою позицию. Профессор С.А. Шейфер в своих последних публикациях и монографии обращает внимание на существенные изменения закона в отношении стадии возбуждения уголовного дела. Автор отмечает, что законодатель хотя и сохранил в УПК РФ стадию возбуждения уголовного дела, но, вместе с тем, сильно расширил рамки доследственной проверки. ФЗ №19 от 9 марта 2010 года к уже закреплённым

⁶ Имеется в виду Федеральный закон Российской Федерации от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ "О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации", в которые внесены изменения, в том числе, в ст. 144 УПК РФ.

в УПК приёмам добавил право органов расследования требовать исследования документов, предметов и трупов. ФЗ №404 от 28 декабря 2010 года добавил к этому перечню право давать органам дознания обязательные для исполнения поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Радикальное расширение круга приёмов следственной практики произошло с принятием ФЗ №23 от 4 марта 2013 года. К предусмотренным ранее средствам проверки – следственным действиям – осмотру, освидетельствованию, а также к требованию о проведении ревизий и документальных проверок и к добавленным позже исследованию документов, предметов, трупов, проведению оперативно-розыскных мероприятий, дополнительно включены получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование и изъятие («в порядке, установленном УПК») предметов и документов, назначение судебной экспертизы, осмотр не только места происшествия, но и документов, предметов (ч. 1 ст. 144 УПК). Автор заключает, что центр доказывания сместился из стадии предварительного расследования в стадию возбуждения уголовного дела. В результате таких нововведений уже на стадии возбуждения уголовного дела практические работники, используя расширенный арсенал следственной проверки, могут прийти не к вероятностным, а к достоверным выводам о наличии признаков состава преступления. В свою очередь проводимые в рамках предварительного расследования следственные и процессуальные действия дублируют уже проведённые процессуаль-

ные действия при следственной проверке. Есть также свидетельства того, что будут и дальнейшие изменения, направленные на придание процессуальной формы действиям, проводимым в рамках следственной проверки. В частности, предлагается допустить педагога и законного представителя к получению объяснений от несовершеннолетних и др. В итоге, естественное для советской доктрины разделение деятельности, осуществляемой в рамках предварительного расследования, на «процессуальную» и «непроцессуальную»⁷ постепенно утрачивает свою актуальность. Несмотря на то, что следовательные шаги законодателя в сторону смещения центра доказывания на стадию возбуждения уголовного дела критикуются отдельными учёными-процессуалистами, считаем, что они, тем не менее, подготовили почву для применения восстановительных процедур в уголовном процессе. Благодаря тому, что возбуждение уголовного преследования сдвигается на следующий после фактического дознания этап, когда основные детали преступления уже выяснены, становится более логичным возбуждать уголовное преследование по принципу целесообразности, что открывает перспективы широкого применения сделок об упрощении судебной процедуры, примирительных

⁷ Александров А.С., Кучерук Д.С. Результаты ОРМ – база приговора? Статья 2. Российские регламенты устарели // Российский следователь. – 2012, № 6 (доступ из СПС «Консультант плюс»); Кудрявцев А.В., Кудрявцева О.Г. Ювенальная юстиция в современной модели российского уголовного процесса. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yuvenalnaya-yustitsiya-v-sovremennoy-modeli-rossiyskogo-ugolovnogo-protsessa>; Василенко А.С. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.09. – М., 2013. – С. 60.

медиационных процедур и т.п.

Кроме того, наметились устойчивые тенденции к сближению уголовного процесса с цивилистическими отраслями права: используются методы и процедуры гражданского, арбитражного, исполнительного и др. отраслей материального и процессуального права. Ранее в обвинительном процессе диспозитивность⁸ признавалась исключительно гражданско-правовым институтом, начало которого в уголовном процессе отсутствует. Это объяснялось приоритетом принципа публичности и противоречием, в которое входит принцип диспозитивности с сущностью обвинительного уголовного процесса. Однако в настоящее время наблюдается объективный процесс конвергенции частного и публичного права. Главной особенностью проникновения частного права в публичную сферу уголовного судопроизводства стоит признать стимулирование при помощи договорно-правовых средств индивидуально-волевого начала возникновения, содержания и реализации отношений между частными и публичными, только между публичными или частными субъек-

ектами⁹. В качестве подтверждения указанной тенденции можно указать на несколько признаков договорного построения правоотношений в компромиссных производствах, закреплённых в УПК РФ. Первый из названных признаков договора выражается в том, что применение компромиссных процедур и принятие компромиссных решений основывается на согласии сторон. Второй и третий признаки договора в уголовных процедурах, урегулированных статьями 25, 28, 28.1, 427 и главами 40 и 40.1 УПК, также имеют специфическое выражение. Условия компромисса достигаются не сторонами – они установлены законом. Четвёртый признак – оформление достигнутого сторонами соглашения в виде письменного документа об условиях разрешения спора (хотя он и характерен лишь для процедуры, предусмотренной гл. 40.1 УПК). Письменное оформление договорённостей сторон о примирении, деятельном раскаянии, согласии с предъявленным обвинением законом не предусмотрено, но невозможно отрицать, что совершение обвиняемым положительных посткриминальных действий является следствием договорённостей со стороной обвинения¹⁰.

В литературе также предлагается дополнить уже существующие в уголовно-процессуальном законе компромиссные процедуры гражданско-правовыми механизмами возме-

⁸ Проявление диспозитивности характеризуется активной деятельностью частных лиц. При этом активная деятельность государственных органов по распоряжению предметом процесса ограничивается волеизъявлением того лица, который претерпел преступное посягательство. Т.о. диспозитивность проявляется в двух аспектах: возможности субъектов распоряжаться своими правами в рамках установленной уголовно-процессуальным законодательством свободы выбора и права влиять на окончательное решение по уголовному делу. Чердынцева И.А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.09. – Омск, 2008. С. 34-35; Семухина О.Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.09. – Томск, 2002. – С. 61, 67.

⁹ Маткина Д.В. Медиация в уголовном процессе – конвенциональная форма внесудебного разрешения уголовно-правовых споров // Бюллетень Уро МАСП. 2010. № 1(3). С. 76, Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве РФ. – М., 2012. С. 10.

¹⁰ Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kalinovsky-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011.

щения вреда, причинённого преступлением. Эта идея обосновывается тем, что совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих возмещение вреда, причинённого преступлением, является составной частью межотраслевого института возмещения ущерба от правонарушений вообще¹¹. В научной литературе отмечается, что возмещение причинённого преступлением вреда, имеет «двойственную природу» заключающуюся в том, что в части принятия необходимых мер по обеспечению возмещения такого вреда уголовно-процессуальная деятельность обладает свойством публичности; что же касается проявления инициативы, использования способов (форм) возмещения вреда, определения его размеров, то здесь широкое поле диспозитивности¹². Осветим отдельные аспекты данного вопроса. В противовес устоявшейся в литературе позиции (и отчасти практике) о прекращении уголовного дела на основании, предусмотренном ст. 25 УПК РФ только при полном заглаживании вреда Л.В. Головки указывает, что ГК РФ содержит в качестве основания прекращения как договорных, так и деликатных обязательств прощение долга. Согласно ст. 415 ГК РФ «обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нём обязанностей, если это не нарушает прав других

лиц в отношении имущества кредитора»¹³. Кроме того, потерпевший может также просто отказаться от осуществления гражданских прав, предусмотренных ст. 9 ГК РФ. В свою очередь, прощение долга прекращает обязательство, т.е. лишает кредитора права требовать в дальнейшем (в том числе в порядке гражданского судопроизводства) исполнения должником его обязанностей, вытекающих из договора или причинения вреда. В то же время обусловленный свободой распоряжения гражданскими правами отказ от их осуществления (на определённом этапе) не прекращает обязательство, что прямо указано в п. 2 ст. 9 ГК РФ¹⁴. Данное понимание положений УПК РФ открывает возможность примирения сторон по ст. 25 УПК РФ в тех случаях, когда вред потерпевшему возмещён не в полной мере или когда представляются определённые гарантии его возмещения в будущем. Активная научная дискуссия по этому вопросу отразилась и на практике. Несмотря на вполне однозначное понимание положений закона в этой части правоприменителями, обвиняемым и его защитником всё чаще предлагаются различные варианты возмещения вреда в будущем или рассрочка возмещения вреда. В рассмотренных нами уголовных делах встречалось несколько примеров, когда обвиняемый ходатайствовал о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, обяза-

¹¹ Борова Д.М. Возмещение вреда как условие прекращения уголовного преследования (дела) в порядке, предусмотренном статьёй 25 УПК // Российский следователь. 2005. № 6 (доступ из СПС «Консультант плюс»).

¹² Также отдельными авторами предлагается использовать в уголовно-процессуальной деятельности и другие договоры: договор о возвращении вещественных доказательств, о принятии мер попечения о детях. См. подробнее: Мурагова Н.Г. О проблемах уголовно-процессуальных договоров // Правосудие в Татарстане. – 2011. – № 4(48). – С. 36-38.

¹³ Головки Л.В. Прощение долга – одно из оснований прекращения уголовного дела. [Электронный ресурс]. URL: http://www.juristlib.ru/book_832.html.

¹⁴ Грицай О.В. Некоторые аспекты разрешения гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2008. – № 7 (доступ из СПС «Консультант плюс»); Попаденко Е.В. Уголовно-правовая природа компромисса в борьбе с преступностью. [Электронный ресурс]. URL: <http://popadenkoev.narod.ru>.

ясь возместить вред в будущем. Так, по делу К., который обвинялся по п. а, в ч. 2 ст. 158 УК РФ (дело рассмотрено Ленинским районным судом г. Самары в 2010 г.) стороной защиты в судебном заседании было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела и примирении сторон, и суду были предоставлены расписки, в которых указано, что, если обвиняемый откажется в будущем возмещать вред, то эти расписки будут переданы в суд для принудительного возмещения¹⁵. Однако суд, правильно мотивируя своё решение тем, что реального возмещения вреда не произведено, в удовлетворении ходатайства отказал. При возмещении вреда после прекращения уголовного дела или при рассрочке его возмещения велика вероятность того, что бывший подозреваемый или обвиняемый откажется возмещать вред или возместит его только в части. В этой связи в литературе рассматриваются различные варианты защиты прав потерпевших в таких случаях. В частности предлагается: закрепить в УПК РФ ещё одно основание для приостановления производства – в связи с необходимостью отсрочки исполнения соглашения о примирении – и прекращать уголовное дело по указанным выше основаниям только после возмещения вреда в полном

¹⁵ Нельзя не отметить, что практика составления таких письменных соглашений о заглаживании вреда в рамках производства по уголовному делу встречается не только в Самарской области. Так, А. Чувилев и Н. Ерохина, изучившие 500 уголовных дел московского региона, связанных с освобождением от уголовной ответственности, отмечают, что "иногда прокуроры принимают во внимание письменное обязательство обвиняемого возместить материальный ущерб". См. подробнее: Чувилев А., Ерохина Н. Надзор за законностью прекращения уголовных дел в связи с деятельным раскаянием // Законность. – 1999. № 8. С. 22.

объёме¹⁶; создать специальный фонд для возмещения вреда, причинённого жизни и здоровью потерпевших от преступлений (впоследствии после рассмотрения дела судом выделенные пострадавшему финансовые средства предлагается возместить путём подачи регрессного иска к виновным лицам, которые в соответствии с ГК РФ несут материальную ответственность за вред, причинённый виновным)¹⁷; защищать нарушенные права потерпевшего в рамках гражданского судопроизводства¹⁸; заключать примирительное/мировое соглашение¹⁹, в котором будут детально прописаны договорённости сторон и которое впоследствии можно будет принудительно исполнить. Последнее предложение представляется наиболее обоснованным, поскольку позволит согласовать и чётко зафиксировать права и обязанности сторон соглашения, что увеличит шансы на его исполнение, в том числе и на принудительное, в рамках возможностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Как представляется, обозначенные выше тенденции сближения частно-

¹⁶ Карнозова Л.М. Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия // Государство и право. 2006. № 9. С. 115-122.

¹⁷ Ведерникова С. Фонд для жертв преступлений // Социалистическая законность. 1990. № 11. С. 25-28.

¹⁸ Грицай О.В. Некоторые аспекты разрешения гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2008. № 7 (доступ из СПС «Консультант плюс»).

¹⁹ Ильютченко Н. Примирение сторон как основание профессионализации института представительства в уголовном процессе // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова [Электронный ресурс]. М., 2012. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM), 12 см; Парфенова М.В. Возмещение морального вреда и материального ущерба в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 11 (доступ из СПС «Консультант плюс»); Головкин Л.В. Мировое соглашение в уголовном процессе и его гражданско-правовая природа // Законодательство. 1999. № 10. С. 74-75.

го и публичного права усилятся, что будет способствовать расширению пределов применения правового инструментария гражданского права, гражданского и арбитражного процесса при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Тем

самым снимутся логические противоречия между назначением уголовного процесса РФ и применением к несовершеннолетним правонарушителям восстановительных процедур, в том числе медиации.